

ЦАДЛО

так не бывает. так оно и было.

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

Максим Ладó

18+

Максим Ладо

ЛАДО

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Ладо М.

ЛАДО / М. Ладо — «ЛитРес: Самиздат», 2019

ISBN 978-5-532-06518-5

Макс Ладо — актёр, режиссёр, художник и автор рассказов и повестей, в которых обычный мир и простые люди увиденны через глазок калейдоскопа. Обыденное тут становится странным, привычное — похожим на давно забытый сон. Повесть «Метр двадцать восемь» — путешествие потерянного героя, нового Венечки-Одиссея, который, сам того не зная, ищет дорогу домой. Дорога кружит его, петляет, уводит всё дальше, и на каждом новом повороте кажется, что пути обратно уже нет и не будет. Вернуться домой сможет только смелый и чистый сердцем герой. Но таков ли Алик? (Ира Филиппова) Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-06518-5

© Ладо М., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Проба пера...	5
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Проба пера...

Проба пера...

Сегодня утром зеленый свет светофора, скользнув по коньку соседнего домика, влетел в мое окно и опрокинул чашку на столе. Я проснулся и два дня ходил по комнате...

Светофор был давно, я помню его еще с детства. Он стоял на перекрестке задолго до того, как я впервые стоял на том же перекрестке, держа маму за руку... Да и вообще – стоял... За все время он почти не изменился. Только стал немного ярче. И в общем не доставлял мне никаких хлопот. А на прошлой неделе, кажется, в среду, перед домиком под моим окном выгрузили кровельное железо. Несколько дней рабочие натирали штанами блестящую крышу. Потом исчезли... Утром приехали регулировать светофор. А в восемь часов произошел первый выстрел. Пострадала пока только чашка, но я чувствовал, что это была не последняя жертва и светофор не успокоится, пока не доберется до меня.

Итак, я несколько дней ходил по комнате... Поэтому я сильно устал. Решил на пару дней прилечь... Проспал неделю... Проснулся. Проснулась и совесть. Совесть грызла меня около месяца. В этот раз она трудилась дольше, чем обычно. За это время зеленый свет превратил мою комнату в руины. В полной темноте, под осколками люстры я пролежал еще некоторое время, боясь приподнять голову. Я знал, что он целится в меня. Страшно. Я пошарил рукой под кроватью, нашел телефон и набрал номер. Придавил пальцем зеленую клавишу. И телефон почти сразу отозвался ругательством.

– Алло! Алло! Привет. Чего звонишь? Да нет, все нормально. Чай пролил. Сейчас, погоди... Лена! Дай мне какую-нибудь тряпку. Быстро. Твою мать!

– Твою тещу, – уточнил кто-то третий.

– Алло! Алик! Все, я здесь. Чего хотел?

– Ты не мог бы мне позвонить через полчаса? Разбудить.

– А что такое?

– Все в порядке. Просто разбуди меня через полчаса. Проконтролируй?

– Окей.

Я положил телефон под подушку и закрыл глаза. Открыл только в пятницу на следующей неделе. Комнату волнами заливал зеленый свет. Царапал и обдирал обои. В окно мое залетали чайки. Садились на раму и шмыгали носами. Я, свернувшись спиралью, дремал в луче несчастного солнца, укутав ноги от сквозняка. Я спал на высоте полета чаек. Они вполне могли бы посчитать меня за своего. За Чая. Через разбитое окно ветер унес кровать, два стула и настольную лампу. Меня никак не уносил. Я пролежал так еще три дня... Холодно...

– Алло! Катя, привет. Как дела? Слушай, можешь... (Надо было сделать паузу после «как дела?».) Можешь мне позвонить через полчаса? Разбудить. Чего-то нехорошо мне.

– Алло! Галина Ивановна. Здравствуйте. Такое дело... Можете меня разбудить через полчаса? Просто позвоните... Да, да, боюсь проспать...

– Алло! Шура! Хрен мягкий! Ты чего не позвонил мне? Ладно, ладно, не оправдывайся... Набери меня через полчаса... Все. Давай.

– Да, Катя. Чего звонишь? Я сплю. Давай потом поговорим. Запомни, чего хотела. Я тебе перезвоню. Кстати, разбуди меня через полчаса? Если не трудно.

– Алло! Галина...

Извините...

Когда?

Мои соболезнования...

Простите...
Еще раз примите...
Подождите, девушка! Не кладите трубку!..
Вы не могли бы...

Проба пера...

Все-таки был в нем какой-то азарт... Он пытался забыть незабываемое, пережить вечное, съесть несъедобное, оправдать невероятное, уловить неуловимое... Беспокойный был человек...

А умер глупо... Задремал на весеннем поле и пророс одуванчиками... Сорок семь проникающих... Или, поговаривают, был убит низко летящим голубем... Или сам, пролетая над городом, на Пасху был сбит колокольным звоном... Или в середине рабочего дня вышел в штормящее море... Без корабля и команды... Один... Или отравлен укусом змеи... Или сам, укусив, отравился змеей... Или кто-то подбросил змею в бокал...

Или... Что скорее всего...
Просто от скуки...

Проба пера...

Пойти завтра в магазин игрушек и купить:

- 1) гнилое яблоко;
- 2) ржавую железяку;
- 3) окурок;
- 4) лужу;
- 5) желудь;
- 6) дождевого червяка;
- 7) опавшие листья: кленовые; липовые; рябиновые... (в ассортименте);
- 8) кошачью еду;
- 9) палку;
- 10) бутылку (без крышки);
- 11) крышку;
- 12) крышки (в ассортименте);
- 13) паутину;
- 14) паука;
- 15) каштан;
- 16) ржавый гвоздь;
- 17) резинку от трусов;
- 18) уголь;
- 19) смолу;
- 20) жука.

И больше не мечтать ни о чем...

Проба пера...

Вот так бывает. Съел что-то вкусное. Получил удовольствие. В зубах поковырял, почистил пастой, но между зубов чуть-чуть осталось. Лежало там долго, портилось. Через сто лет цыкнул зубом, вылетело, проглотил и отравился...

Проба пера...

Последние полгода Есин непрерывно работал... Мял бумагу и бросал под стол... Бумагу, запачканную главами, строками, словами, иногда только лишь замыслом... Куча скопилась внушительная... Она подпирала стол снизу так, что он не мог уже касаться пола всеми четырьмя ножками сразу... А Есин работал... Подбирал слова, оттачивал фразы и... Стачивал их до «и»... Искал нужный ритм, нерв, пульсацию, надеясь вдохнуть жизнь в поношенные мысли... Находил и скармливал куче, которая медленно, словно сбегаящая волна, выносила стол из комнаты... А Есин работал... Есин думал... Думал вслух, на бумаге, между строк, на полях, теряя смысл повествования... «Не верю!!!» – кричал Есин. – Я не верю!!! А другие... Как другие поверят???» Голова гудела и царапала потолок... Есин открывал рот, чтобы проветрить, и изо рта выходили скверные звуки... Жена плакала несколько месяцев кряду... Собака ушла к другому... Он ел у открытого холодильника и спал, прислонившись к дивану...

Мука... Не каждый такое вынесет... Вот, например, собака ушла... Или это была жена??? В общем, кто-то один ушел... И логично, что кто-то остался... Один... Хорошо бы – жена... Потому как собака вряд ли прочтет... А тогда для чего все???

Есин выглянул из кабинета... Женщина ела колбасу, стоя у холодильника... И плакала... И ела...

Значит, все-таки ушла собака... Неплохо... Он бросился к письменному столу и сходу вывел: «В моей смерти прошу...» И засомневался... Доступно, конечно... Просто, лаконично, главное – понятно... Но... После Тургенева или Толстого не захочешь читать Есина... Смял и бросил...

Есин работал... По пояс в бездарных предсмертных записках...

Проба пера...

- Ну, здравствуй, несчастный!
- Здравствуй... Кто ты?
- Душа твоя...
- А я думал, что ты полнее...

Проба пера...

Как-то среда на этой неделе не задалась... И не то чтобы я ожидал от нее чего-то из ряда вон... И не то что другие дни выдались лучше... Как раз наоборот... Но вот именно среда... Как-то не задалась...

Хотя в сравнении с понедельником... А, как известно, все познается в сравнении... В сравнении с понедельником очень даже ничего среда... Даже очень... В сравнении с понедельником... Но он на то и понедельник... Ведь даже маленькая девочка знает, что с понедельником совсем ничего сравнивать нельзя... В сравнении с понедельником и падение Трои – пустяк... Понедельник...

В пятницу, например, я сломал ногу... С другой стороны, я мог сломать ее и в субботу, но поторопился... Сломал в пятницу... В этот день, когда все вокруг в предвкушении чего-то хорошего... Я сломал ногу... Но почему-то кажется, что вот именно среда не задалась...

Угнали машину... Это было в четверг... Как сейчас помню: все утро я ходил смурной, потому как среда не задалась... И это уже тогда не давало мне покоя... Я все утро ходил смурной... И вышел к подъезду... А ее нет... И первое, о чем я подумал тогда... Среда...

Вторник... Мог бы пройти хорошо... Если бы не дурное предчувствие... «Что-то будет, – говорил я себе, – что-то будет»... И совершенно неожиданно пришла среда... Просто, как снег на голову... И уж с самого начала как-то не задалась... В субботу ушла жена... Но это пустяк... В сравнении со средой... Это даже совсем сравнивать нельзя... Пустяк... Среда...

Воскресенье весь день проплакал... Потому что то одно, то другое... То снова одно... В общем, не воскресенье, а всемирный потоп...

И в целом жизнь как-то не задалась...

Но, мне кажется, я теперь знаю, что...

Всему... Виной...

Проба пера...

Шибин бросил курить...

И более ничем знаменательным не запечатлел себя в этой жизни... Последние годы он только и делал, что не курил... Говорил, как хорошо не курить, и не курил... Он отдавался этому весь, как отдаются великой идее... Не курить... Он не курил... Не курил дома... И дети знали, и жена... Больше ничего о нем не знали... Шибин не курил на работе... И не любил перекуры... А тем, кто любил перекуры, на перекурах проповедовал, как хорошо все-таки не курить... Шибин не курил на балконе, у подъезда, на остановках... В курилке не курил... Даже на фотографии в паспорте Шибин не курил... И слегка улыбался... И смотрел на фотографа свысока...

– Тело – это мой храм, – говорил он, – я не могу в нем гадить...

И не курил... Несмотря на то что «архитектор» явно схалтурил и «храм» был так себе... Заурядный и потрепанный... Там просело, тут обвалилось, здесь протекло... Даже государством не охранялся... Но...

Шибин не курил... Даже когда хотелось... Не курил, чтобы не курить... Это его путь в вечность...

– Шибин? Это который? – спрашивали знакомые. – Тот, что бросил курить? Как же, как же... Конечно... Что-то припоминаю... Ну как он? Умер?!? Зачем??? Он же не курил...

Стоя у гроба, жена Шибина вспоминала последнюю его сигарету... Бережно взятая под стекло, она висела в их доме на самом видном месте... Не истлевшая и до половины, она еще хранила отпечаток его губ... Последняя, кого он целовал в своей земной жизни...

«Его муза... Его вдохновение!!! Скромный обелиск, воздвигнутый на пепле, в назиданье Новому человеку!!!» – так, кажется, она сказала...

И смахнула платочком скорбь... Она его почти не знала...

Хотела рассказать еще, как Дарвинский музей мечтает получить ее в свою коллекцию...

Как бесконечной вереницей стекаются паломники в их скромную обитель...

Хотела рассказать, как Шибин проводил свой досуг, просиживая в кресле... Глядя в стену...

Где не целованная больше, брошенная, но не позабытая...

Она глядела на него через стекло...

Еще хотела рассказать... Но гости стали понемногу расходиться... Поскольку объявили перекур...

Она все обещала досказать за сигареткой...

Все устремились к выходу...

А Шибин не пошел... Он остался лежать один...

Потому что Шибин не курил...

Проба пера...

Она была не то одета, не то раздета, не то одета во что-то не то...

Они познакомились в очереди к мавзолею... У нее в сумке была зубная щетка... И синяк под левым карим глазом... Они познакомились в очереди к мавзолею... Его звали Тони Вуд, и он не понимал, о чем говорят люди вокруг... Они познакомились в очереди к мавзолею... Его звали Тони Вуд... У нее была зубная щетка и синяк... Он не понимал, о чем говорят люди вокруг... А ей сейчас очень нужен был кто-нибудь... Они познакомились...

Он подошел к ней сзади, тронул за плечо... Она улыбнулась уголками губ... Услышала: – Я за вами.

– А я ждала Вас раньше...

– Раньше я был занят...

– Ничего... Раньше и я была не свободна...

Она достала зеркальце и припудрила левый глаз... Обернулась...

– У меня, кстати, есть зубная щетка...

– Отлично! Не придется покупать... А вы...

– Давайте перейдем на Мы?

Они познакомились в очереди к мавзолею... У Них была зубная щетка и синяк... И они не понимали, о чем говорят люди вокруг...

Они познакомились в очереди к мавзолею...

Проба пера...

Золкин, Сидоров и Нахимович дружили с детства... Были почти как братья... Даже мать у них была одна на троих... Не говоря уже о брюках цвета мокрый асфальт, которые и носили по очереди... Золкин – вчера, Сидоров – завтра, а Нахимович – не снимая... Они дружили с одной девочкой... И даже свадьбу сыграли в один день... И в браке были счастливы... А у Нахимовича еще и жена была... В общем, жизнь складывалась... Грех жаловаться... И никто не грешил... А Нахимович, как известно, был неверующий... Жизнь складывалась... Не хватало малого... Чего-то для души...

Сидели, думали... Сидоров пощипывал жену Нахимовича и отражался в пробегающих мимо детях... Золкин потягивал из кувшина херес... Нахимович дремал... В подъезде пропадали лампочки... Вчера отключили отопление... Дети росли... Старший был вылитый Сидоров... Средний еще в младенчестве любил херес... У младшего тоже было очень знакомое лицо... Но никто так и не смог припомнить, где его видел...

Шло время... Шел снег... По телевизору шли «Семнадцать мгновений весны»... Наконец, Нахимович предложил:

– Мы с детства вместе... Плечом к плечу... Бок о бок... Спина к спине... Как три мушкетера... Как три богатыря... Как три поросенка... Как три пальца... Готовы мы пронести нашу дружбу через годы? Поклянемся на крови!!!

Все поддержали и поклялись на крови Золкина... Клялись прожить в любви и согласии и умереть в один день... Жена Нахимовича воздержалась... С нее и не требовали...

– Давайте рыть могилу! – продолжил Нахимович. – Которой не было еще на свете... Чтоб люди приходили любоваться... Чтоб не могила, а академический театр!!! Чтоб произведение высокого искусства!!! Единогласно...

Нахимович знал как... Полгода он посещал курсы... Нашел уютное местечко... Раздобыл лопаты...

Первое время работа спорилась... С шутками-прибаутками погрузились с головой... Золкин и Сидоров копали, Нахимович руководил... По городу слухи пошли, мол, на окраине кладбища три самородка копают... И как копают!!! На века... Смело... Не признавая школ и канонов... По-своему, живо, ново, свежо... Пошел народ... Критики шумели поначалу, потом насторожились... Народ-то не обманешь... Очередь через все кладбище... На оградах сидят... По ночам костры жгут... Со всей страны приезжают посмотреть... Звонят из Америки: «И нам выкопайте...» Из Японии... Золкин, Сидоров и Нахимович роют... Шум смерти не помеха...

Но прошло время... А все новое, как известно, хорошо, пока не состарится... Кругом тоже понарыли... Нахимович уехал копать за границу... По слухам, успешно... Ездил по городам, делился опытом, книжку выпустил... Сидоров некоторое время еще копал вглубь... Потом – в сторону... В сторону жены Нахимовича... А потом и вовсе передумал умирать... Завел жену, детей... Нахимовича... А Золкин, помня клятву, все копал... Да и не было в его жизни больше ничего... Все отдал он этой работе... Руки только и могли, что лопату держать... И Золкин копал... А когда завыл на дне от одиночества, никто не протянул черенок и не вытянул на поверхность... Оставалось только копать... Все глубже и глубже... В сторону Бога...

Проба пера...

Если бы Чуковский писал трагедии, он бы написал: У меня не звонил телефон...

Проба пера...

Можно ли устроить маленькую частную войну? Так, чтоб никто не пострадал. Никто. Может, только я. Допустим. Я бы совершил массу подвигов, стал героем. Может даже погиб... Может даже несколько раз... Потом бы вышел на пенсию и ходил бы по школам в день моей победы (может, где-то в сентябре) и рассказывал школьникам об этой войне... И грудь в орденх, и вся жопа. В шрамах...

Проба пера...

– Значит, считаете себя абсолютно здоровым? – спросил доктор, и я засомневался... От чего-то вдруг запершило в горле...

А когда я не сомневался? Никогда... Не было такого... Я давно уже самостоятельно установил диагноз: у меня устойчивое ощущение неустойчивости бытия... И валерьянка не помогает...

Я сунул справку в карман... Сомнения прилагались к справке... Все веселее, есть о чем подумать... Спустился в метро, встал у кассы...

– Вы последний?

– Не уверен.

– Пьяный?

– Вряд ли...

Купил карточку на шестьдесят поездок... И засомневался... А надо ли теперь так много?

Перечитал справку...

Свет в конце туннеля быстро приближался... Я сделал шаг назад, наступив кому-то на ногу, и пропустил поезд... Вмял себя в вагон... Ехал... Правильный голос в динамике объявил следующую станцию... Женщина позади меня спросила: «Выходите?» Я молча пропустил ее, отдавив кому-то ногу... Двери открылись, и я вышел вслед за ней...

Надо было все-таки спросить врача: а как он считает? Ему же лучше знать... Может, вернуться?..

Говорят, у улиток сердце в голове... Так это, наверное, хорошо? Наверное... Живут только мало... Метра полтора...

От метро считал шаги...

Так в задумчивости не заметил турник... Очнулся в больнице...

Диагноз: сотрясение мозга...

Или сотрясение сердца...?

Проба пера...

Она спала с другим. Она. А чувствую себя, как будто я с ним спал.

Проба пера...

Она была такая короткометражная... А он такой документальный, что не успел еще начаться, как Она уже закончилась... А он запутался где-то в прологе... Он даже не дошел до названия... Даже не обозначил жанр... А Она уже вышла на код... Но на сеанс он все же попал... Правда, успел лишь на титры... И все боялся, что вот и они скоро закончатся... И все ерзал в кресле... И все смотрел, как облетают строчки... Он был такой документальный... Долгий... Длинный такой... Очень познавательный... Очень... Но долгий... Но познавательный... Такой серьезный... Такой не для всех... Интересный... Но не для всех... И не очень увлекательный... Даже очень не очень... Нудный такой... Долгий... И нудный... Документальный...

В него совсем никто смотреть не хотел...

А Она...

Она была такая...

Короткометражная...

Проба пера...

Сегодня весь вечер проторчал в окне... Ловил окурки... Попадались довольно крупные... Там, наверху, что-то праздновали... Мужчины выходили курить на кухню и, на мое счастье, ленились пользоваться пепельницей...

Один большой окурочок пролетал от меня метрах в двух... Я пожадничал, потянулся и... Перевалялся через подоконник... Сначала испугался... По инерции... Но уже на одиннадцатом подумал, что, может, это и к лучшему... Подлетая к десятому, я совсем успокоился и принял удобную позу... Путь неблизкий... На девятом нагнал роковой окурочек... Спички задувало... Прикурил на восьмом у Алешки... Соседский пацан... Курит в форточку, когда

родители уснут... На седьмом пришли сомнения... Но, видимо, они жили только на седьмом... Шестой проскочил с удивительным смирением... Только вспомнил, как на днях выбросил в окно булавку... На нее бы не приземлиться... Пятый встретил убежденным фаталистом... На четвертом – фикус... А на третьем... Дерзкое величие жизни... На третьем вдруг увидел ЕЕ... Она вытирала пыль...

Но я как раз куда-то спешил... Мы успели перекинуться парой фраз... Я сказал что-то вроде: «Я сейчас... Только слетаю до подъезда и обратно...» Она поставила чайник...

Три...

Два...

Один...

Ай!

Проба пера...

Только что сидели, говорили, смеялись, смотрели в глаза друг другу... Только что он сидел на окне, закинув одну ногу на подоконник... Только что облако влетело ему в левое ухо... Только что чайка вспорхнула с его темени... Только что...

Между ними прошел мужчина в клетчатой рубашке... Вот только что... Только на мгновение он заслонил его от ее внимательного взгляда...

На подоконнике уже никого не было... Она испугалась, подскочила к окну и перегнулась через карниз... Внизу, прямо под окном, воробьи растаскивали буханку хлеба... Прыгали, толпились вокруг серого мякиша, отрывали небольшие кусочки и взлетали высоко, садились на крышу, взлетали выше крыши, унося в животах теплый хлеб...

– Фу! Фу! – крикнула она воробьям. – Плюнь! Пошли! Пошли! Да что же это! Куда же ты опять!.. Когда ты в очередной раз вернешься – меня не будет... Слышишь?.. Ну как?.. Как теперь тебя собрать? Да что же это?.. Да на кой мне?!!! Сумасшедший!

И поправилась: – Сумасшедшая...

Проба пера...

Вечером я поселился у нее в ямочке над верхней губой, прямо под самым носом... Держался за тонкий светлый волосок обеими руками... Трясся в маршрутке, боролся с ветром и дождем, раз она чихнула, но я удержался... Прямо под самым ее носом. Я, хоть убей, хотел там остаться...

Она пришла домой, стала смывать косметику и смыла меня... Прямо из-под своего носика...

Проба пера...

В детстве мне все говорили: Не глотай жевательную резинку... А я глотал... Потому что она была вкусная... И потом мне хотелось довести процесс до логического конца... И в двенадцать лет мне вырезали аппендицит... Я пролежал в больнице два дня, а потом мне еще долго запрещали бегать, лазать по деревьям, прыгать по гаражам... Долго...

Потом мне все говорили: Всегда убирай за собой... И я убирал... Всегда... Мыл посуду, вытирал насухо... Комната моя блестела... Я разувался на пороге и приносил ботинки в руках... Мыл велосипед «Школьник» часами, с шампунем и порошком... Но вскоре снова

попал в больницу... Сломал руку, упав с велосипеда... Пролежал весь июль, весь август проходил в гипсе, в сентябре пошел в школу... «Школьник» заржавел... Где же справедливость???

Теперь я уже взрослый... Кое-что понял, кое-чего лучше бы не понимал, над чем-то уже посмеялся... Вокруг все еще говорят... Мне твердят: Курить бы надо бросить – сердце... Или шепчут: Ну еще по одной, сегодня не грех... Или: Тебе нельзя нервничать... Или: Да пошли ты их всех к такой-то матери!!!...

А я уже не слушаю...

Все равно попаду в больницу...

Проба пера...

Она относилась бережно ко всему: к вещам, деньгам, к нему... Меньше всего – к себе... Ценила каждую мелочь...

Она сидела в кресле и распутывала гнездо свалявшихся ниток – котенок играл и набедокурил – придерживала тонкими пальцами, следила за переплетениями – куда ведет конец, что за петля – терпеливо, внимательно... Бережно наматывала уже освобожденную нить на катушку...

Он бы оторвал и выбросил – ерунда какая, подумаешь...

А она могла распутать... Ведь целое гнездо... Можно столько дыр зашить, столько поставить заплат...

Ведь целое гнездо...

Проба пера...

Но вернемся к ссоре... Она собрала свои вещи и уложила в большие клетчатые сумки, которые заняли почти всю комнату... И я впервые увидел заднюю стенку шкафа... Он оказался глубоким... Отчего я об этом думал?.. Она собрала вещи... В большие такие клетчатые сумки... Такие глубокие и клетчатые... И была ночь, и был день, и еще несколько суток... Мы спали обнявшись, а утром ходили по тропинкам, между сумок, на работу... И вечером непременно возвращались... Все...

Но вернемся к ссоре...

Проба пера...

Ушел в душ...

Играть в дождь...

Проба пера...

В детстве, помню, нечего было есть... Дома ни крошки... Все шкафы, все полки проверены... Все... Ну сидишь... Ну пойдешь, покуришь... Окурки в пепельнице ничтожно маленькие, и те кончаются... Выберешь... Даже среди самых маленьких есть те, что побольше... Берешь сразу по три в ладошку... Прикуриваешь и сразу обжигаешь губы... Опять сидишь... Пятнадцать минут... Двадцать... Щелк! Рождается надежда... Разум перед ней – ничто... Идешь, и все по новой: все ящики, все полки... И вроде дело... А ничего нету... Возвра-

щаешься, садишься, смотришь в телевизор... Звук слушаешь из радиоприемника, настроенного на ту же частоту... И вновь вынашиваешь надежду... Двадцать минут... Щелк! И все по новой... И еще, и еще...

Теперь так и живешь... Нет ничего, знаешь... Щелк! Надежда... И вроде даже какая-то сумрачная цель... Не от ума, конечно... А нету ничего... И даже слова такого «нету» нету... А надежда есть... Вот и носишься ты с этой надеждой... А все равно ничего нету... И даже слова... А надежда есть... Так она еще, сука, говорят, умирает последней. Значит, и меня переживает?

Щелк!!!

Проба пера...

А спать так хочется, как вам всем и не снилось...

Проба пера...

В горшке с лимоном поселился миллион маленьких мошек, которые всячески отрицают факт моего существования и упорно меня не замечают... Наверное, потому что их миллион, а я всего лишь один...

Если бы меня было хотя бы два... А так... Пусть живут... Пока я в меньшинстве...

Проба пера...

Живешь так, живешь... Все у тебя хорошо, все вроде бы складывается... Вот уж и весна скоро... Еще бы чуть-чуть, и можно было сказать, что все просто замечательно... Ну, просто хорошо все... Все... То есть вообще... Хорошо... Такое бывает... И вдруг кто-то пишет: «Не грусти»... А ты и не грустил...

Раньше...

Теперь только...

Загрустил...

Проба пера...

Он танцевал четвертые сутки без остановки. В общегитии возмущались. Музыка не гремела, сам он не шумел. Но это было непривычно. Хотя бы потому что танцевал он в коридоре, и люди, которые плелись и шаркали, пугались его резких, широких движений. Его отгородили от окружающих старыми шнурками, связанными в одну пеструю ленту. После этого его как будто перестали замечать. Словно это были не шнурки, а толстая кирпичная стена. Вечерами собирались возле. Приносили стулья, приносили чай. Смотрели, сплетничали.

– На спор...

– Что?

– На спор, говорю, пляшет. Поспорил с кем-то на ящик пива. Пропляшу, говорит, неделю, дескать, без остановки. Половина уж прошла. Пропляшет, думаю...

– Да он не на спор. Вы этого слушайте, он вам еще чего наболтает... На рекорд он идет. В книгу эту, которая как пиво называется, хочет попасть... Премию получит – телевизор купит. Сейчас без телевизора никуда. Вон, у меня сломался... Теперь сюда хожу...

– Ирка его поцеловала. Наша, из шестой комнаты. Она мимо шла, остановилась, взяла за руку и поцеловала. Ну он и кинулся танцевать.

– И что же теперь?

– Она пока к мужу уехала, за город. Не поймешь их. Кусаются, кусаются, потом мирятся, живут, значит, любят.

– А этот как же?

– Что этот? Приедет, попросим. Расколдует...

Проба пера...

Люди часто уходят. Приходят тоже, слава Богу, часто. Но ведь потом все равно уходят. Пусть ненадолго. Погуляют и вернуться, посидят и вновь идут.

Одна говорит: «Ну ладно, спокойной ночи». И нет ее уже. А только что сидела и смотрела так хорошо. И луна светила так хорошо. И я был такой хороший. Нет, в этом я абсолютно уверен. Тут уже никто не скажет мне: «Нет, ты мерзавец, ты столько раз обижал людей». Да, стыдно, я обижал. Но сейчас с ней я был хороший. Потому что рядом с ней нельзя быть плохим. Это противоестественно.

Вот она ушла, и полезли они. Где они были минуту назад? Где они были? Она бы сказала. Она бы сказала им: «Он не хотел... Я верю». Я бы заплакал. Я бы плакал и плакал. Приходи меня качать. Ты сама красота. Потому что иначе и быть не может. Кто, если не ты, красота. Без тебя мне их не снести. Много их, а ты одна. И такая ты... Паутинка... А легко. И откидываю я одеяло, и взлетаю, сам не знаю как... Вокруг все шумят: мол, ночь уже, утром, дескать, встанешь, и летай себе на здоровье. Развлекайся.

Приходите, тетя Кошка, нашу детку покачать.

Проба пера...

Она ехала на эскалаторе вверх, он по стечению обстоятельств ехал вниз. Где-то они встретились. К сожалению... Он уже знал, что с ним будет. Все на неделю вперед. А теперь... Сколько он спотыкался! Сколько пришлось выслушать! А потом... Потом опять вниз...

Проба пера...

Можно, конечно, представить, что ее отравили. Враги. Она ждала меня в Кремле, под охраной пушек, самоходок и самолеток. А я... Я спешил. Видит Бог, я спешил. Загнал сотню лошадей, измучил своим беспокойством друзей, но улыбался. Черт побери, каждый раз, когда я спешил к ней, я улыбался самой широкой на свете улыбкой. Из-под усов. Какие тогда были усы!

Но дело не в усах. Враги узнали, где она, бросили с самолета пилюлю с ядом – сейчас и такое бывает – попали. А я... Я не успел... Вовремя... Как был ей нужен... А не успел. Она умерла на моих руках.

А усы сбрил. Зачем теперь?

Проба пера...

С ней было хорошо. Такая большая и такая некаменная. Они сидели на широком подоконнике, свесив ноги вниз. Штора за ними была глухо задернута, и казалось, обратного хода нет. Тем более что где-то там, за шторой, в бешенстве метался ее муж.

– Как тебя зовут?

– Маргарита.

Он даже отшатнулся. В голове стали проясняться какие-то воспоминания из школьных лет. Вспомнился Набоков. Нет. Там была какая-то другая женщина. Окно... Было окно... Ночь... Скамейка внизу, под окном... А здесь – трамвайные пути... И там что-то было про трамвай... Он вспомнил. «Маргарита рванула штору и села на подоконник боком, охватив колено руками». Маргарита...

Маргарита работала продавцом в рыбном отделе, он – экспедитором. Они почти не встречались. Однажды ему удалось подсмотреть, как она поправляла колготки. Вполне реальная, даже чересчур... Теперь она была волшебная. Синий фартук трепало ветром.

– Летим? – тихо предложила она.

– Я? – зачем-то спросил он.

– До тебя все падали...

– А я?

– А ты полетишь...

– Как свинья?

– Это до тебя все летали как свиньи...

– Ну, как же там было... – он вспоминал. – Боров?

– Да как хочешь... Хочешь – свиньей... Хочешь – боровом... Хоть кем...

– А он?

– Он? Он не полетит... Он теперь как голубь – все больше пешком ходит, далеко не летает...

С ней было хорошо...

– Летим! – решил он.

Они взялись за руки, сошли с окна первого этажа на тротуар и скрылись за поворотом. Через пять минут из окна напротив вылетели еще двое. Где-то еще, и еще где-то... Они все держались за руки. За городом они собрались в стаю и направились к югу...

Через девять месяцев на Пасху он, пролетая над родным городом, был сбит колокольным звоном...

Проба пера...

– Будьте здоровы, – пробасил мужчина в коричневой куртке, нависающий надо мной. Женский голос что-то объявил в динамик, и двери захлопнулись.

– Я что чихнул?

Но я уже не слышал своего голоса. Поезд набирал скорость. В окне напротив включили мое отражение...

Должно быть, чихнул. Где-то выхватил сквозняк. В метро. Здесь их много, только уворачивайся. Люди пробегают мимо, баламутят воздух... От поездов, в поездах... А моему истощенному бессмысленностью организму и пролета мухи достаточно. Глаз неделю дергается, что-то отсчитывает, людей смущает, вгоняет в задумчивость, в мучительное воспоминание: Когда? И Где? И Кто, вообще?

– Будьте здоровы! – дуэтом исполнили студентки напротив. Двери захлопнулись. Оглянулся. Удивительно, в окне за моей спиной то же показывали меня. Значит, мне? Издеваются?

– Спасибо, – хотя все равно не услышат, судя по звуку, мы близки к взлету.

– СПАСИБО, – на всякий случай проартикулировал, может, прочитают по губам.

Снова остановились. Мужской голос что-то проинтонировал в динамик... Их там двое? Двери захлопнулись.

Двери хлопали и хлопали. За окном почти ничего не менялось. Выключали на станции свет, какие-то рабочие меняли буквы, золотили бра, собирали мозаику, заменяли скульптуры... Свет включали, и голос в динамике объявлял новую станцию. Кино, да и только...

Мужчина в коричневом взмахнул руками, и весь вагон хором пропел: – Будьте здоровы! Коричневый поклонился, поднял чемодан и вышел.

Да что за... Твою же мать! Взбесились?

Девушка слева полезла к себе в карман... Или ко мне. Тесно. Достала платок... Свой или мой? Не важно... Протянула мне. Значит, все-таки чихнул. С чего?

– Будьте здоровы, – я растерялся...

– И вы тоже...

– Оставьте себе...

– Что?

– Платок оставьте себе...

– Да. Спасибо... И вы...

Она засмеялась. И я как-то неожиданно засмеялся. Если б заплакала, наверное, я тоже плакал бы... Но ведь засмеялась же...

– Спасибо.

Я высморкался в платок. Стесняюсь. Сколько себя помню, всегда стеснялся.

– Алик, – я протянул ей руку с платком.

– Алена, – она взяла меня за рукав двумя пальцами, приподняла и опустила. Улыбнулась. Если б рассердилась – не знаю... Но ведь улыбнулась.

Вдруг что-то подбросило меня, ударило о пластиковый короб лампы и опустило на колени сидевшей по соседству старушке...

– Будьте здоровы!

Меня снова подбросило и опустило на колени к следующему. Пошел по рукам...

Она. Люди возмущались, а она так улыбалась... Если б... Ну это понятно...

Я прыгал. И все дальше от нее... После восьмого пожелания или после тринадцатого меня выбросило на платформу. «Будьте здоровы», – прошуршал голос в динамике, и поезд исчез в туннеле. Главное – унес Ее.

До работы я добрался быстро, но не без лишнего внимания...

* * *

Когда-то в детстве у меня обнаружили аллергию на пыль, на пух... Тогда я приучился к чистоте. Теперь живу в порядке, чуть ли не в стерильном. Снаружи. Друзья удивляются, мама радуется...

Тогда же, в детстве, как только получили результаты анализов, избавились от всех пуховых одеял, подушек, пуховиков, освободили канарейку... От всего этого я краснел и чихал. Мама оберегала меня по мере сил. Я чихал даже в Большом, на «Лебедином озере», на «Сказке о царе Салтане»...

Теперь давно привык. Избегал нежелательных встреч, делал дома влажную уборку два раза в неделю, тщательно выбирал вещи. Привык. «Лебединое озеро» посмотрел в записи. Уже

почти забыл. Казалось, эта аллергия осталась там, в прошлом, там, где мама, там, где пришлось отказаться от игры в индейцев. Забыл. И вот вспомнил. Но с чего вдруг?

* * *

Я топтался возле павильона с надписью «ФОТО». Дверь была закрыта. Ключи – у Светки. Светка – моя напарница. То есть я фотографировал, а она – «какая папочка?», «сколько штук?», «матовая? глянцевая?» Из соседнего павильона девушка выносила манекены и одевала по последней моде. Странно: сейчас продавщицами работают невесты. А в моем детстве за прилавком стояли тещи.

Мужчина в сером хлопнул меня по плечу. Показал на вывеску «ФОТО».

– Вы сюда?

– Угу.

– Я за вами.

– За мной уже занимали.

Он недоверчиво глянул на часы.

– Кто?

– Трое голых и вон та девушка в синем платье...

Невеста накинула на манекен бусы. Дверь распахнулась, и в универмаг вошла Светка.

– Ты здесь? Меня еще нет, а ты здесь... Медведь в лесу сдох?

– Я случайно. Открывай. С тебя кофе.

Мы вошли. Я щелкнул чайник, Светка открыла форточку, включила фотоаппарат.

Мужик в сером просветлел: «Слава Богу, девушка. А то я как понял, что он здесь работает, молился, чтоб он фотографом не оказался»...

– Он и есть фотограф. Но вас как уже пострадавшего я сама сниму. Вон туда садитесь. Перед собой держите. Вот так. Головку выше. Не так высоко. Смотрим сюда. Все. Там поставьте... Готово будет через час. Вы первый – придется подождать...

Света нажала на пуск, и кругом замигало множество зеленых лампочек. Что-то запищало, зашумел вентилятор.

– Ты кофе сделаешь?

Ответа не было. Но я знал, что сделает.

– Светка, я влюбился.

– Надеюсь, не в меня?

– Что-то уберегло. Хотя еще недавно я об этом подумывал...

– Ну и кому же так повезло?

– Не знаю. Просто встретились в метро. Зовут Алена.

– А телефон?

– Ничего не взял. Не успел. Аллергия началась, расчихался, кидало по всему вагону. А выбросило на платформу – сразу прошло. Ты бы видела, как Она мне улыбалась... Знаешь? Я думаю, что Она Ангел. Поэтому и аллергия. Совершенно точно... Она, должно быть, Ангел...

– Улыбнулись ему в метро... Тебе лошадь улыбнется – ты влюбишься.

– Дура...

Она, наверное, обиделась. Ну и пусть. Я полез в карман и достал платок. Как в восемнадцатом веке, честное слово. Она ушла, как бы случайно обронив шелковый платочек. Ну, допустим, не случайно, и не обронила, и не шелковый... И я в него высморкался. Но все равно... Я бережно сложил его и убрал в карман.

– Будьте здоровы! – сказал серый, показавшись в дверях. Света, оторвавшись от кофе, повернулась к нему.

– Чего вы приперлись так рано? Вам же сказали – через час! Торопитесь куда-то? Будете заглядывать каждые десять минут, я еще дольше буду делать... Идите гуляйте!

– Но если она Ангел, куда Она прячет крылья???

* * *

Со Светкой мы так и не разговаривали. В восемь часов я брякнул дверным колокольчиком и ушел, доверив ей выключать все, прибираться и закрывать павильон. Гулял по городу, читал названия улиц. Около десяти я был дома. Шура (Друг. Как-то зашел с двумя бутылками пива. Так и живет...) впустил меня и ушел к раскрытому окну с кем-то ругаться. Видимо, я его отвлек. Я остановился у закрытой двери в дальнюю комнату, послушал – светофор не унимался. Зеленый свет светофора, скользя по коньку соседней крыши, влетел в мое окно... Он раскачивал люстру, обдирал обои, сбивал с ног... Мы сожительствуем уже довольно давно... В панельной трешке... Шура, я и светофор... Сегодня снова спать здесь... Прикрепил очередную фотографию на правую стенку, выглянул в окно. Половина бабушки с десятого этажа угрожала Шура милицией. Причем называла его моим именем...

– Срал я на вас, – кричала половина Шуры, – как та ворона на лисицу. «Ворона какнула... И прямо на лисицу...» Помните, что вы на десятом, а я на двенадцатом, и чтоб я тут ни сделал, все прилетит к вам.

По подоконнику что-то ударило, старушка испугалась, что Шура выполнил обещание, и скрылась. Еще удар. И еще. Первые капли падали тяжело и неуклюже, а потом разлились сплошным «Ш». Тикали часы. Тишина... Тишина – тикает и шелестит...

В дверь позвонили. Шура выглянул из своей комнаты... Когда она стала его?

– Если что, меня нет.

Больше года он говорит: «Если что, меня нет», а к нему никто не приходит... Хотя это полностью сглаживается тем, что он сам никого не ждет...

– Светка...

Она стояла совсем мокрая, волосы и вся одежда стали темнее, к подошвам туфель прилипла лужа... Должно быть, с улицы принесла... Прозрачные капли подрагивали на мочках ушей.

– Какие у Вас... Чудесные сережки.

Деваться некуда, нужно быть гостеприимным.

– Ты как здесь? Вроде живешь не близко... И адрес где взяла?

– Гуляла. А адрес запомнила случайно, у меня здесь тетка недалеко живет...

Чудно. Может, еще уйдет к тетке...

– Мы с ней не общаемся...

Я что вслух сказал?

* * *

– Кофе или пельмени? Осталась ложка кофе и с десяток пельменей. И то, и другое, извини, не предлагаю, то, что не попадет в сферу твоих желаний, станет завтраком.

– Тогда кофе.

Она сидела на диване в моей футболке и почему-то казалась мне опасной.

– Я надеялся, что ты выберешь пельмени. Шутка.

– А это что? – она показала на мою коллекцию – сотни три фотографий, развешанных на стене в углу...

– Так. Хобби. Мы же печатаем в основном со свадеб, с отдыха, но женятся и отдыхают все практически одинаково. Я собираю только лица. Так сейчас мало снимают. Все больше в толпе.

Еще и обнимутся обязательно. Делаю себе лишний экземпляр. Разумеется, тайно, спрашивать боюсь. Наверняка откажут. Вот на этой стене самые гнусные рожи, а на этой – самые милые. Встанешь спиной в угол, плюнешь через левое плечо и, если учесть, что мы обслуживаем практически весь район, попадешь сразу во все гнусные морды, которые, возможно, встретишь за день... Между прочим, верный путь к хорошему настроению.

Сидит, смотрит и чего-то ждет. Терпеть не могу, когда от меня чего-то ждут. Особенно, когда знаю чего... Где Он, мой Ангел? Может, я его просто придумал? Ну и пусть. Если Ангела не существует, его нужно придумать. Кто-то похожее уже говорил. Теперь мне стало совсем страшно...

* * *

Позвонили в дверь. Передышка. Открываю. На пороге участковый. Плечистый и крепкий, носит футболку, бейсболку и кепку, знак ГТО на груди у него, больше не знаю о нем ничего...

– Кому не спится в ночь глухую? Радисту летному и... Знаешь такую поговорку?

– Это я радист, что ли?

– Да нет. Радист я. У меня хоть рация есть. Алик, ты заманал...

– Виктор Сергеич, что за выражения? «Заманал»? С вами дети?

– Дети у меня дома спят, а соседка твоя ненормальная мне телефон оборвала, требуя, чтоб я на тебя повлиял...

– Понято. Зайдешь?

– Нехрен у тебя делать, два часа ночи... Пойдем на скамейке посидим, покурим.

– Пойдем. Ничего, что я так? По-простому... Смокинг постирал...

– Ты бы лучше носки постирал, у меня батарейка в часах окислилась.

А Светка не жаловалась...

Мы вышли к подъезду. Перешагнули через местных кошек, дремавших на прохладных ступеньках. Кошки эти были жертвами нереализованной заботы соседских старушек. Они родились в подъезде, под батареей, еще зимой. Жили, делали свои дела, батарея грела... Когда по подъезду начал разноситься запах, забота дала первую тещину. Котят выселили. Но во дворе милосердие хлынуло на них с новой силой. Они стали достоянием всего дома, а не только нашего подъезда. Старушки спорили, не сходились в вопросах воспитания, питания, гуляния. Отчитывали котят, когда те выбегали за пределы двора. Все обладатели собак, особенно крупных, почувствовали к себе если не ненависть, то, по крайней мере, неприязнь. Котята жили, вырастали в котов и кошек, рожали новых котят, те тоже вырастали... Кажется, что сразу беременные. Им уступали места на скамейке, доверяли самое сокровенное, жаловались на мужа, на сына, на свекровь, на правительство... Искали понимания, сочувствия... А Васька слушает да ест...

Мы устроились на скамейке. Участковый молчал. Начал я.

– А я больше люблю собак. Особенно маленьких, бесполезных...

– А мне пофиг. Я в детстве хотел попугайчика. Мне не купили... – пошла откровенность. Детство. До чего сентиментальные бывают менты... – А сестре купили. И с клеткой. Она им все равно не занималась. Мне так хотелось – не купили, а она даже не просила. Принесли, поставили на стол, орет чего-то, смотрю – дурак дураком... На фиг он нужен, этот попугайчик. Разочаровался в общем. Но все равно обидно.

Ночь накрыла город брюхом серой собаки. Пришла, легла, и черно, и душно. Мы закурили. Он – свои, я – его. Молчали. Мерно постукивал комар в крепкий затылок участкового. Сразу видно, не разбирается в людях...

– Тут у вас в подъезде, говорят, грузины какие-то поселились...

- Вроде были...
- Снимают?
- Понятия не имею...
- Надо бы зайти...

Витя регулярно посещал иногородние семьи в подведомственном ему районе. Вновь прибывших заносил в блокнот. Раз в месяц все видели, как он нырял в нужный подъезд и выныривал с туго набитым пакетом. Пакет укладывал на заднее сиденье своей семерки и двигался по следующему адресу. Но взяток не брал...

– Ты это, – снова начал он, – давай соседей больше не раздражай, – и такой тон отеческий, заботливый... Воздух, что ли, здесь пропитан заботой? Как-то сразу почувствовал себя в компании кошек.

- Чем это я их раздражаю?
- А я знаю?
- Ну вот и я не знаю...
- Жалуются...
- Я бы тоже кому-нибудь пожаловался...
- Чего тебе жаловаться-то?
- А я знаю?
- Вот и я не знаю...

Снова замолчали. Трудился комар. Я смотрел вдаль, но дальше соседнего подъезда ничего не видел. Темно. Участковый тоже поглядывал в том направлении. Надеюсь, он видел хоть чуточку дальше... Должны же над нами, близорукими, стоять люди ну хоть немного дальнорукие. А то глупо как-то получается...

- Мне скучно, Бес!
- Без чего?

Комар утомился и умер.

Множилось непонимание...

* * *

Света спала на моем диване. Футболка задралась. Я, стараясь не смотреть, прошел через комнату и споткнулся о табуретку.

- Я тебя ждала...
- Присел рядом.
- Потом прилег с краю...
- Потом было тесно...

* * *

Всю ночь меня мучил кошмар. Целый рой маленьких, голых, крылатых ангелов кружился над моей кроватью. Мне было трудно дышать, я ворочался, чихал и отмахивался подушкой. Они отлетали на безопасное расстояние, пару секунд висели в воздухе и возвращались.

– Вы чего хотите?!? Вы чего добиваетесь?!? – кричал я. – Чтоб я в рай попал? Мне с моей аллергией у вас в раю еще нужно очень постараться, чтоб не сдохнуть!

Потом они отобрали у меня подушку. Где-то взяли ножницы, вспороли швы, рвали на себе перья и набивали ими наволочку. Уже ошипанные выстраивались в колонну и маршем шагали на кухню. Там заворачивались в тесто и топились в кастрюле. Вареные обсыхали на перламутровых краях тарелок, лезли в морозильник, слипались по три – пять штук и забивались в самые дальние углы... Я вскочил, достал с полки первую попавшуюся книгу, забе-

жал на кухню. Один поганец как раз пытался спуститься со стола. Увидев меня, он спрятался за солонку. Я отбросил в сторону его укрытие, замахнулся и размазал его по обложке. Все исчезло... Хорошо бы...

Я оттер книгу об штаны и прочитал на обложке: «Преступление и наказание».

* * *

Утро наступило. И, кажется, прямо на меня. Где-то завывала собака, что-то хрустнуло в коленке, я встал. Взял со стула свои брюки. Из карманов с шумом посыпалась мелочь. И все мои вчерашние грехи. Давно не могу понять, откуда по утрам приходит эта святость? Чего ж так стыдно то? Часами сидишь и не можешь смириться, что завтра все-таки случилось. Вчера казалось, что все валится куда-то в бездну. И ты засыпал спокойный, уверенный, что новый день после такого уж точно не наступит. Не посмеет. Ты проснешься и уже ничего не увидишь. Ничего – это значит **ВООБЩЕ**. И ты кидался во все тяжкие... А утром просыпаешься обманутый. Все есть. То есть Все. Но Все робко подрагивает, внушая смутную надежду на завтра. И недавнее настоящее становится прошлым. А за прошлое всегда стыдно. Всегда. Это закон такой, должно быть...

А за что, собственно, стыдно-то? Перед кем? Клятв никаких не давал. Никому ничего не обещал. В святые не метил. В мученики? Пока тоже... Как прелюбодействовал с пятнадцати, так и не прекращаю. Нравится. Чревоугодием не занимался, не потому что нельзя. Не по карману. А пожать всегда любил. Кумиров не творил себе, опять же не потому, что запрещают. Ну не творец я. Да и срать на всех хотел. Левую щеку никому не подставлял. Меня и по правой-то никто не бьет. Комары, и те пятый год не кусают. Видимо, брезгуют. За что стыдно-то? Я живу своей обычной жизнью. На большее не претендую...

Дождь за ночь так и не прошел. Я сидел на подоконнике и смотрел, как капли надувают прозрачные лужи. Света храпела, я ежился. То ли от холода, то ли от храпа.

Светало...

За окном шумели мужики.

Шуршали по асфальту дворники.

Я только что из-под твоей руки.

Сижу на мокром подоконнике.

Я только что из-под твоей руки...

Я только что из-под твоей руки...

И что-то говорит: «Беги».

Не сразу отыскал носки...

Проба пера...

Из этой ночи могла бы получиться неплохая жизнь...

Проба пера...

Я встретил его, когда меня перестал греть дом. В общем-то, все дома. Они потеряли для меня уют. Мне было хорошо только в трамваях, автобусах, поездах (в поездах – очень, но это случалось так редко), только там я ощущал себя человеком. Только в пути. Очевидно, я заменял внутреннее движение внешним. Или же... Кто знает? Так прекрасна, кажется, следующая остановка: улица, город, страна, планета... Пока ты в пути, все в тебе волнуется, трепещет,

все в ожидании, ты торопишься, гонишь, гонишь... И... Добравшись, не можешь припомнить причину такого жаркого интереса... Ведь лучшее – там, впереди.

Я встретил его в начале зимы. Закончив работу, я сел в трамвай (городское кольцо – чудо, что такой маршрут был). Я сел в трамвай, занимал место у окна, лицом по ходу движения, доставал из портфеля книгу и читал. Или же просто смотрел в окно. Или же слушал музыку. Или спал. Тепло. Ноги согревает, почти обжигает печка, за окном темно, а в трамвае всегда горит свет. Только иногда на секунду он гаснет, и снова...

Не помню, когда я увидел его впервые. Просто однажды я начал его узнавать. Он всегда сидел на одном и том же месте. Прямо за спиной водителя, лицом ко всем пассажирам. Высокий, худой, с усами-щеткой, тонкие русые волосы из-под шапки набекрень. Шапка меховая норковая или вроде того, складки вытерты наголо и засалены. Вида он был всегда несвежего, будто всегда слегка пьян. Он входил смело, не стесняясь, проходил к своему месту, разваливался, вытягивал ноги, но никому не мешал. Просто его фигура смотрелась слишком раскованной и выбивалась из общей пульсации сжатых тел в автобусе. Все пережидают дорогу, закрывшись, найдя точку, куда можно возложить взгляд, чтоб не привлечь внимания – (А), (Б) – не получить по морде, и (В) – не заплатить за проезд. И пр. Он же наслаждался дорогой. Он путешествовал. Летел спиной, раскинув смуглые руки, доверяясь пути.

Я понял, что начал видеть его довольно часто. Он пробудил во мне живой интерес. Он входил, раскидывался на пластиковом кресле, запрокидывал голову, скользил по мне глазами и будто засыпал... Мне казалось, что этот человек позволяет мне себя изучать, приглашает меня себя изучать. И я изучал... Наверное, он был не богат, наверное, одинок, наверное, много пил. Кольцо на пальце я не мог разглядеть. Хотел, но не мог – далеко. Поэтому не знаю, был ли он женат. Близко к нему я стеснялся подсаживаться. Может, даже боялся. Что-то дерзкое было в нем. Дерзость травы...

И вот однажды я задремал, глядя в окно, а проснувшись, обнаружил, что он сидит рядом со мной и, наклонившись к моим ногам, рассматривает мои ботинки. Я дернул ногой, собрался с силами и спросил: «Что ты хочешь?» – так, я слышал, можно обескуражить грабителя. Он же медленно поднял на меня глаза...

– У тебя какой размер?

– Чего?

– Ноги размер какой?

– А что?

– Сорок третий?

– Нет.

– Хорошо. Сорок четвертый?

– Вроде бы да...

– Купи ботинки?

Я начал потихоньку приходить в себя.

– А с чего вы взяли, что мне нужны ботинки?

– А я не думаю, что тебе нужны. Просто мне не нужны. А деньги пригодились бы...

– Ну а что за ботинки?

– Во, – и он положил ногу на спинку переднего кресла, – хорошие, теплые, импортные...

Ботинки действительно были хорошие. Никак не вписывались они в весь его гардероб. Они имели полное право брезговать своим хозяином... Я опомнился:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.